

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Т.А.Вишленкова

*Казанский государственный
университет*

РЕЦЕПЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКИМ ОФИЦЕРОМ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Включенность дворян, состоявших на военной службе, в светскую жизнь общества позволяет предположить, что во многом восприятие ими французской культуры в первой четверти XIX в. (по крайней мере, таких ее проявлений как язык, этикет, литература) было схожим с восприятием статского чиновника. Военные жили открытой, светской жизнью. Дворян в офицерском мундире можно было встретить повсюду: на улице, в театре, в библиотеке. Офицер не имел права показываться в обществе в партикулярном платье даже во внеслужебное время. К его внешнему виду, манерам предъявлялись высокие требования. Русские офицеры первой четверти XIX в., подобно дворянам на статской службе, непринужденно говорили на французском, читали франкоязычную литературу, ходили на постановки французской труппы, на балах руководствовались правилами этикета французского двора.

Особенности восприятия французской культуры представителями военного дворянства связаны в первую очередь с внешнеполитическими отношениями Российской империи с Францией. Восприятие Франции, Наполеона, французов как носителей европейской культуры «старого порядка» (аристократической) и «новой» (республиканской, буржуазно-демократической) происходило в условиях военных событий. Поражения порождали ненависть, успехи — снисхождение.

Однако такие явления как ксенофобия и галломания, зародившиеся и распространившиеся в российском обществе в период антифранцузских коалиций, войны 1812 г. и заграничных походов для военной среды не были характерными. Патриотизм проявлялся в естественном желании одержать победу над врагом, а не в негативном отношении к любым явлениям французской жизни.

Поражение под Аустерлицем произвело ошеломляющее впечатление на русское общество, привыкшее праздновать победы Суворова. Но особенно тяжело переживали «позор Аустерлица» в военной среде. Было уязвлено национальное самолюбие. Характеризуя настроения русского офицерства

того времени, С.Г.Волконский писал, что «самая отличительная и похвальная сторона в убеждениях молодежи – это всеобщее желание *отомстить* (курсив мой – Т.В.) Франции за нашу военную неудачу в Аустерлице» [1: 5]. Из этого высказывания видно, что в данный момент Франция представлялась не как страна, давшая великих просветителей и центр цивилизации в Европе, а как угроза, как враг. Поэтому Волконский не случайно употребляет слова «отомстить Франции» – а не наполеоновской армии. В период военного азарта, нарастания патриотических настроений эти два понятия (ранее четко разделенных в русском дворянском сознании) слились в одно целое, во всяком случае, для военных.

Продолжение этой цитаты Волконского приводит нас к другой мысли. Автор писал, что тогда свой гражданский долг они видели лишь в чувстве ненависти «и не понимали, что к отечеству любовь не в одной военной славе, а должна бы иметь целью поставить Россию в гражданственности на уровень с Европой, и содействовать к перерождению ее сходно с великими истинами, высказанными в начале французской революции, но без увлечений, свергнувших Францию в бездну безначалия» [1: 6].

Видно, что приведенная часть рассуждений принадлежит уже Волконскому-декабристу, прошедшему ссылку и каторжные работы. Мысли о самоопределении России придут позже, когда автор, да и многие в российском обществе будут заняты рецепцией, анализом тех бурных событий, участниками которых они были. Молодость воспринимала происходящее эмоционально, чувственно, апробацию разумом все это прошло значительно позже, в других условиях.

А пока в 1805 г. русская армия терпела поражение за поражением, и желание вступить в бой с французами было так велико, что слух о заключении мира в среде русского офицерства поначалу даже не был воспринят всерьез. Волконский смягчил это состояние в своих мемуарах, говоря, что заключение перемирия вызвало сожаление [1: 50].

Отечественная война 1812 г. стала временем испытания не только мужества и стойкости, но и проверкой идейных убеждений, периодом культурно-психологического самоопределения для русского дворянства. Эпистолярные участники военных событий осени-зимы 1812 г. насыщены описаниями военных действий. В них почти не встречается прямых свидетельств личного отношения к происходящему, размышлений о Франции, ее политике и культуре. Наполеон, его армия для русского офицера – это военные враги. В настроениях дворян не прослеживается связи между личностью французского императора и культурой страны, которую он представляет. Михаил Луниц, воспитанный французскими гувернерами, человек далекий от православной религиозности, забияка и повеса, в годы Отечественной войны был исполнен патриотического духа.

Особую роль в наложении традиционного представления о Франции эпохи Людовика XIV на знакомство с новой постреволюционной Францией сыграли заграничные походы и пребывание русской армии в Париже. Это, а так же недовольство офицеров поведением, политикой русского императора, зародившееся еще в Тильзите и подкрепленное его отношением к русским офицерам в Вене и Париже, способствовали зарождению оппозиционного настроения в военной среде.

Таким образом, если для светских представителей русского дворянства реставрация Бурбонов означала возвращение Франции к дореволюционному образу жизни, а, следовательно, острота проблемы в отношении Франции была снята, то для военных культура новой Франции послужила стимулом для обновления российской жизни. Действительно, возвращение в Россию после увиденного было подобно возврату в прошлое. Со слов декабриста Ивана Якушкина мы знаем, что отныне жизнь офицерской молодежи в Петербурге казалась томительной и скучной. «Было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь, – жаловался он, – и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед» [2: 73]. Застой петербургской жизни заставил С.Г.Волконского отправиться в путешествие по Европе.

Таким образом, когда офицеры – будущие декабристы единодушно заявляли, что их участие в заграничных походах и пребывание в Париже изменили их воззрения, то имелось в виду, прежде всего эмоциональное отношение к непосредственным контактам представителей России и Франции.

Мистический образ Франции, сложившийся в детстве, расширился, наполнился реальными лицами и представлениями о Франции новой, хоть и с восстановленной абсолютистской властью, но впитавшей многие принципы буржуазной революции. Русский офицер был поставлен перед моральным выбором: использовать полученные им знания о европейской культуре и пытаться приобщить Россию к новой политической культуре или же забыть о том, что видел, слышал, чувствовал за последние годы и вернуться к старому привычному образу жизни и мысли, раствориться в статском обществе, далеком от прогрессивных идей.

Конечно, к декабристам не сводимо все русское офицерство. Далеко не все восприняли описанные события болезненно и встали в оппозицию к верховной власти. Среди участников войн и заграничных походов были и те, кто стал декабристами, и те, кто вершил над ними суд. В военной среде нашлось место и М.С.Лунину и А.Х.Бенкендорфу, братьям Орловым, А.А.Аракчееву и П.В.Чичагову.

В связи с участием России в антинаполеоновских коалициях, а затем и единоличной войне с Наполеоном, роль военных в государственной жизни, их значимость как политически активного сословия особенно возросли. Можно предположить, что отношение русского офицера к Франции, фран-

цузам и французской культуре могло быть особым именно благодаря их участию в военных действиях против империи Наполеона. И, наверное, на первый план выходило осмысление политической культуры, то с чем столкнулось русское офицерство за границей.

Примечания

1. *Волконский С.Г.* Записки Сергея Григорьевича Волконского (декабриста). СПб., 1901.
2. *Декабристы рассказывают* / Сост. Э.Павлюченко. М., 1975.